

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-88–95
УДК 343.1

Дата: поступления статьи / Submitted: 17.09.2020
после рецензирования / Revised: 22.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

А. Р. Шарипова

Институт права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: nord-wind23@mail.ru

РАЗЛИЧИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕЙ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ ПЕРЕСМОТРОВ СУДЕБНЫХ АКТОВ В УГОЛОВНОМ И АРБИТРАЖНОМ, ГРАЖДАНСКОМ, АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВАХ

Аннотация: Новизна статьи определяется проведенным в ней сравнительным анализом институтов апелляционного, кассационного и надзорного пересмотров дел в различных отраслях судебного права. Цель такого анализа – выявление общих тенденций регламентации права обжалования, обжалования промежуточных судебных актов, сроков обжалования, порядка рассмотрения и полномочий суда в проверочных инстанциях, оснований отмены судебных актов в уголовном, арбитражном, гражданском и административном процессах. Задачей ставилось определение необоснованных различий между аналогичными нормами процессуальных отраслей и избрание лучшего варианта нормативного регулирования. В статье использованы методы системного анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод. В результате исследования подтверждена единая правовая модель пересмотров по всех процессуальных отраслях и установлены недостатки ее реализации в уголовном процессе. В заключение приведены данные о том, что выявленные недостатки существенно снижают общее качество правосудия при пересмотрах уголовных дел в сравнении с их аналогами в других отраслях права.

Ключевые слова: уголовный процесс, арбитражный процесс, гражданский процесс, административный процесс, апелляция, кассация, надзор, пересмотр дела, правовая модель.

Цитирование. Шарипова А. Р. Различия реализации общей правовой модели пересмотров судебных актов в уголовном и арбитражном, гражданском, административном судопроизводствах // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 88–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-88–95>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. R. Sharipova

Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation
E-mail: nord-wind23@mail.ru

DIFFERENCES IN THE IMPLEMENTATION OF THE GENERAL LEGAL MODEL FOR REVIEWING JUDICIAL ACTS IN CRIMINAL AND ARBITRATION, CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Abstract: The novelty of the article is determined by the comparative analysis of the institutions of appeal, cassation and supervisory review of cases in various branches of judicial law. The purpose of this analysis is to identify general trends in the regulation of the right of appeal, appeal of interim judicial acts, the terms of appeal, the procedure for consideration and powers of the court in verification instances, the grounds for revoking judicial acts in criminal, arbitration, civil and administrative proceedings. The task was to identify unjustified differences between similar rules of procedural branches and choose the best version of regulatory regulation. The article uses methods of system analysis and synthesis, comparative legal method. As a result of the study, the unified legal model of reviews for all procedural branches was confirmed, and shortcomings of its implementation in criminal proceedings were established.

In conclusion, there is evidence that the identified shortcomings significantly reduce the overall quality of justice in criminal case reviews in comparison with their counterparts in other branches of law.

Key words: criminal process, arbitration process, civil process, administrative process, appeal, cassation, supervision, case review, legal model.

Citation. Sharipova A. R. *Razlichii realizatsii obshchei pravovoi modeli peresmotrov sudebnykh aktov v ugovnom i arbitrazhnom, grazhdanskom, administrativnom sudoproizvodstvakh* [Differences in the implementation of the general legal model for reviewing judicial acts in criminal and arbitration, civil and administrative proceedings]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 88–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-88–95> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Алия Рашитовна Шарипова** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Институт права Башкирского государственного университета, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

Тема кандидатской диссертации: «Уголовное преследование по делам о налоговых преступлениях». Автор более 40 научных работ, в том числе соавтор таких работ

© **Aliya R. Sharipova** – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of the Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Bashkir State University, 131, Dostoevsky Street, Ufa, 450005, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Criminal prosecution for tax crimes cases». Author of more than 40 scientific works, including coauthor of such works as: «Interests in law» (2019), «Implementation of criminal policy: modern prob-

как: «Интересы в праве» (2019), «Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения» (2017), «Риторика для юристов» (2017), «Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права» (2016).

Область научных интересов: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, экономические преступления.

Среди всей массы проблем, образующих одну из наиболее обсуждаемых в науке тему пересмотров в уголовном процессе, нам важно выделить те, межотраслевое сравнение которых наиболее перспективно.

Очевидность родства юридической природы пересмотров в разных отраслях права делает их сравнение достаточно распространенным. Но осуществляется обычно оно поинстанционно и, как правило, констатирует отраслевые различия, но редко ищет им объяснения или пытаются преодолеть их [1].

Мы же попытаемся сопоставить сразу 3 вида производств – апелляционное, кассационное и надзорное – с точки зрения их правовых моделей в уголовном, арбитражном, гражданском и административном процессах.

К параметрам сравнения, следуя за общей структурой процессуальных законов, применительно к общим стадиям апелляции, кассации и надзора мы отнесли: право обжалования, обжалование промежуточных судебных актов, сроки обжалования, порядок рассмотрения, полномочия суда, основания отмены судебных актов.

Параллельное рассмотрение сразу трех видов пересмотра дел в четырех видах судебных процессов, конечно, не предполагает глубокого рассмотрения каких-либо частных проблем. Речь идет только о сопоставлении наиболее крупных структурных элементов данных институтов права и лишь в их общепроцессуальном единстве.

Право обжалования

УПК¹ наделяет правом апелляционного, кассационного и надзорного обжалования среди прочих «осужденного и оправданного» ст. 389.1, 401.2 УПК), вместо использования

¹ подозреваемый; обвиняемый; подсудимый; осужденный; оправданный; лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера; несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия; лицо, в отношении которого уголовное дело или уголовное преследование прекращено; лицо, в отношении которого поступил запрос или принято решение о выдаче; а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица.

lems of criminal and criminal procedure lawmaking, law enforcement and staffing» (2017), «Rhetoric for lawyers» (2017), «Relationship of criminal and criminal procedure law» (2016).

Research interests: criminal proceedings, criminal proceedings, economic crimes.

родового понятия «обвиняемый» или перечисления полного списка всех лиц, нуждающихся в защите от обвинения в уголовном процессе, подобно тому как его сформулировал Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

Упоминание лишь осужденного и оправданного – ничем не обусловленное сужение круга лиц, имеющих право обжалования судебных актов в уголовном процессе, причем как применительно к окончательным судебным решениям (которые не сводятся лишь к дихотомии «оправдание/осуждение»), так и особенно к промежуточным решениям (когда еще в принципе не может быть ни осужденного, ни оправданного).

Разумеется, мы осознаем, что все «неназванные» в УПК, но заинтересованные в деле его участники обладают правом обжалования, поскольку перечни, данные в соответствующих статьях, открыты, а подробные разъяснения на этот счет даны Верховным Судом РФ (например, Постановление Пленума от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»).

Претензия к УПК основана на том, что перед глазами у нас три других процессуальных кодекса, в которых право обжалования принадлежит «сторонам и другим лицам, участвующим в деле» (ст. 320 ГПК), «лицам, участвующим в деле, и другим лицам, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями» (ст. 376 ГПК), «лицам, участвующим в деле, а также иным лицам» (ст. 257, 273 АПК), «лицам, участвующим в деле, а также лицам, которые не были привлечены к участию в административном деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом» (ст. 295 КАС), «лицам, участвующим в деле, и другим лицам, если их права, свободы и законные интересы нарушены судебными актами» (ст. 318 КАС).

Отказ законодателя от простого способа конструирования нормы о праве обжалования через указания на лиц, участвующих в деле со стороны обвинения и защиты, как субъектов обжалования, возможно, связан с тем, что к стороне обвинения законом отнесены и чисто «досудебные» фигуры – следователь, дознаватель. Однако с точки зрения законодательной техники допустимо употребление формулировки «участники дела со

стороны обвинения, кроме...», что одновременно экономит текст кодекса, способствует межотраслевому единообразию в его универсальной составляющей и подчеркивает уголовно-процессуальное своеобразие. Если такой вариант тоже достаточно громоздок, можно использовать термин «участники судебного разбирательства на стороне обвинения» для обозначения субъектов обжалования.

Правом обжалования не обладает сторона обвинения в отношении судебных актов, вынесенных в порядке судебного контроля.

Аналогов судебного контроля в арбитражном, гражданском и административном процессах нет, поэтому сравнение здесь невозможно. Вероятно, такое решение родилось вследствие выбора между состязательностью и целесообразностью. Равные права обжалования для обвинения и защиты в отношении актов досудебного производства грозили бы подменой последнего многоэтажными «внутренними» разбирательствами, во время которых расследование не двигалось бы с места. Но нельзя сказать, что запрет на обжалование заставляет органы уголовного преследования принять и разделить позицию суда: зачастую она преодолевается повторным вынесением процессуального акта, идентичного по содержанию отмененному.

Следующая «странность» УПК в том, что единое «право обжалования» реализуется согласно детализирующим нормам посредством представлений (прокурором) и собственно жалоб (всеми остальными). Практически очевидно, что это терминологическое различие – наследие сущностного неравноправия в обжаловании, которое было в советском уголовном процессе. Его воспроизводят и ГПК, и КАС, и отчасти АПК (только применительно к надзору).

Содержательного различия между жалобами и представлениями ни в апелляционном, ни в кассационном, ни в надзорном пересмотрах нет. Зачем нужно называть одинаковые документы по-разному, если только не для того, чтобы подчеркнуть то, от какого адресанта они исходят? Значит, скульптура Фемиды, украшающая здание Верховного Суда России, не зря, в отличие от канонического образа, с открытыми глазами: правосудию не «все равно», кто за ним обратился – прокурор или просто человек.

Нам известны аргументы о том, что жалоба – выражение частного интереса, а представление – публичного, однако, полагаем, публичный характер деятельности прокуратуры известен и без этого и основывается на нормативных правовых актах о ее статусе и функциях, а не на процессуальных законах.

Этот довод применим и к другой проблеме: УПК подробно регламентирует, в какие суды и в каком порядке вправе направлять свои представления прокуроры того или иного уровня. Но разве это не является внутренним делом прокуратуры, которое можно решить ведомственным распоряжением? Есть ли, по большому счету, разница суду, каким образом Генеральный прокурор России рас-

пределил между своими подчиненными обязанностями по обжалованию судебных актов? Тем более передача лишь вышестоящим прокурорам прав обжалования далеко не полностью поддержана и оценивается критически [2]. УПК содержит не только процессуальные нормы, он полон правил разрешения организационных вопросов, которым в нем не место, а судебные его разделы «приспособлены» к досудебным, что во многом и определяет огромную массу «необязательных» его отличий от других судебных кодексов.

Наиболее приемлемый вариант закреплен в АПК применительно к апелляционному и кассационному пересмотрам: предусмотрена лишь апелляционная и кассационная жалобы. Достаточно долгий опыт применения этих норм позволяет сделать вывод, что отсутствие апелляционных и кассационных представлений в арбитражном процессе никак не мешает прокуратуре реализовывать ее полномочия.

Надзорное представление в АПК, вероятно, «заблудившийся» пережиток прошлого, от которого бы стоило избавиться. Хотя высказываются противоположные мнения, что по подобию надзорного представления нужно ввести в арбитражный процесс апелляционное и кассационное [3].

Сроки обжалования

Вторая линия сравнения регламентации судебных пересмотров связана с процессуальными сроками. Глобальные межотраслевые противоречия в определении сроков, которые мы рассматривали ранее, проявляются и в этих институтах.

Очевидное и многократно описанное отличие УПК от АПК, КАС и ГПК – в сроке апелляционного обжалования: 10 суток против 1 месяца. Многолетняя история существования десятидневного срока (сначала в качестве срока кассационного обжалования) однозначно свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев участники процесса не успевают подготовить за него мотивированную жалобу или представление [4], а стремятся лишь направить в суд «предварительную» жалобу, заявив тем самым свое намерение обжаловать решение. ГПК, содержащий такой же десятидневный срок, унаследованный из советской эпохи «быстрых и легких» дел, отказался от него еще с принятием ФЗ от 9 декабря 2010 года № 353-ФЗ.

Полагаем, что из сложившейся практики подачи предварительных жалоб выросло понятие «дополнительных» жалоб, которых не знает арбитражный процесс. По нашему мнению, нет никаких дополнительных жалоб, есть лишь заявление подателем жалобы новых аргументов (не только на неправильное применение норм уголовного права, но и на нарушение процессуального закона) или просьб суду (изменить приговор не только в части наказания, но и по квалификации). Однако УПК не только признал существование дополнительных жалоб, но и ввел порядок их подачи, ограничив время их представления – не позднее

5 суток до начала судебного рассмотрения. Какая реальная необходимость такого ограничения, не известного более ни одному виду судебного процесса? Как повредит интересам правосудия то, что дополнительные аргументы будут заявлены апеллянтом не за 5 дней до начала рассмотрения жалобы, а непосредственно во время? Чтобы «закрывать рот» подателю жалобы, то есть не рассматривать его аргументы, нужны очень веские основания. Самое «страшное», что может произойти в результате «несвоевременного» раскрытия своих доводов стороной по делу, – это отложение судебного разбирательства – проблема незначительная в масштабах всего уголовного процесса. Вероятно, ограничение времени подачи дополнительной апелляционной жалобы и представления связано, по задумке законодателя, с принципом *favor defensionis*: это гарантия для стороны защиты достаточного времени для подготовки возражений. Если это так, то, конечно, стоило бы указать в соответствующей норме, что относится она только к дополнительной жалобе и представлению стороны обвинения. В нынешней редакции она скорее помешает, а не поможет защите, хотя высказывается и мнение, что положение это вовсе не применяется [5]. Это оправдано, потому что суду в здравом уме не придет в голову отмахнуться от доводов стороны, подтверждающих незаконность или необоснованность решения, на том основании, что они были объявлены не за 5 дней до заседания, а за 4 дня.

Еще одна особенность УПК в сравнении с остальными кодексами в плане сроков пересмотров – это их дифференциация в зависимости от суда проверочной инстанции. Тут уместно вспомнить, что благодаря многочисленным реформам подсудность дел и пересмотров в системе судов общей юрисдикции стала поистине монструозной. Совершенно не в тренде повышения доступности правосудия такие процессуальные нормы о подсудности, в которых тяжело разобраться даже профессионалу, не говоря о населении. Идеальная, геометрически стройная, система была в арбитражных судах до 2012 года (потом появился Суд по интеллектуальным правам, а позднее был упразднен Высший Арбитражный Суд РФ): арбитражные суды субъектов (только первая инстанция) – апелляционные суды (только апелляция) – окружные суды (только кассация) – ВАС РФ (надзор и исключительные производства).

Вернемся к срокам пересмотров. Для рассмотрения дела в апелляции в АПК, ГПК и КАС предусмотрено 2 месяца с момента поступления жалобы, а в УПК – срок определен лишь для его начала, причем они растут в зависимости от уровня суда: от минимального для районного суда, пересматривающего судебные акты мирового судьи, до максимального для апелляционного суда, апелляционного военного суда и Верховного Суда РФ. Логично увеличенного срока для высшего судебного органа понять можно: в норме он занят лишь «второй» кассацией и надзором, а эти виды пере-

смотра требует большого числа судей, к тому же у этого суда масса полномочий, помимо пересмотров. Но почему увеличиваются сроки для судов вышестоящих инстанций, если пересмотры – их главная и почти единственная работа?

Обжалование промежуточных актов

Следующий пункт, по которому осуществляется межотраслевое сравнение, – обжалование промежуточных актов. Все процессуальные законы указывают на возможность обжалования всех окончательных и некоторых промежуточных судебных актов. Перечни промежуточных актов, которые возможно обжаловать самостоятельно, ни в одной процессуальной отрасли исчерпывающим образом не названы и, как правило, определяются практикой на основе: 1) указания в норме о конкретном виде определения на возможность его обжалования (ч. 5 ст. 115.1 УПК); 2) выделенных признаков обжалуемых актов («если определение препятствует дальнейшему движению дела» – ч. 1 ст. 188 АПК); 3) указанных в законе примеров обжалуемых или необжалуемых актов (ч. 2, 3 ст. 389.2 УПК).

Отдельным труднообъяснимым отличием от общепроцессуальной тенденции выступает самостоятельная подсудность обжалования промежуточных судебных актов. Для них предусмотрена только «выборочная» кассация, причем по одному и тому же уголовному делу в случае обжалования промежуточного акта кассацией выступает один суд, а в случае обжалования итогового решения – другой. Помимо прочего, эта идея крайне запутанно и неудачно с точки зрения юридической техники изложена в тексте закона; за этот и другой недостатки она подвергнута разгромной критике в литературе [6]. Наиболее удачной нам представляется регламентация кассационного производства по обжалованию промежуточных судебных актов в арбитражном процессе. В АПК содержится отдельная норма, посвященная особенностям такого производства, и устанавливает она лишь сокращенные сроки рассмотрения жалоб на акты, препятствующие дальнейшему движению дела (ч. 2 ст. 291; аналогично установлены сроки и в апелляции – ч. 3 ст. 272). В остальном порядок их обжалования не отличается от общего и подразумевает и сплошную, и выборочную кассацию.

Полномочия суда проверочной инстанции

Коренное отличие апелляции в уголовном процессе (поддержанное в новом административном процессе в ст. 308 КАС) от гражданского и арбитражного процесса с точки зрения ее полномочий – это возможность направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции. На уровне АПК и ГПК предполагается, что суд второй инстанции может самостоятельно все то же, что и суд первой инстанции, поэтому возвращать дело необходимости нет. Возвращение логично и появляется в арбитражном, гражданском и административном процессах, начиная со сплошной кассации: раз не-

возможно дополнить материалы дела новыми доказательствами, значит, нужно предоставить это первой инстанции.

В реальности существует параллельная законодательству правотворческая деятельность Верховного Суда РФ, «учредившего» Постановлением Пленума от 19 июня 2012 года № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» возврат на новое рассмотрение из апелляции в отдельных случаях. По сложившейся в нашем праве практике назван этот возврат «направлением для рассмотрения по существу», а не «новым рассмотрением», что, однако, сути не меняет.

Не беремся судить в рамках этой статьи о том, насколько необходимо такое полномочие суду апелляционной инстанции, поскольку аргументов «за» и «против» достаточно и они требуют осмысления [7]. Но считаем, что межотраслевое единство правосудия предполагает одинаковые полномочия суда второй инстанции во всех видах судебных процессов в той мере, в какой это возможно.

В существующем виде УПК, объединяющего принципиально разные процессы – судебное и досудебное производства, неизбежны отличия от остальных кодексов, обусловленные именно фактом урегулирования расследования и суда одним и тем же законом. К рассматриваемому вопросу полномочий апелляции это тоже относится: предусмотренная ст. 389.20 УПК возможность вынести решение об отмене оспариваемого судебного акта и возвращении дела прокурору аналогов в других отраслях не имеет.

Основания отмены и изменения судебных актов

Многими исследователями отмечено нелогичное отсутствие среди оснований пересмотров решений по уголовным делам в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций неправильного применения норм иных материальных отраслей права, помимо уголовного. Напомним: УПК единственный из всех кодексов относит к основаниям «нарушение норм уголовного и уголовно-процессуального права», в отличие от «материального» и «процессуального». Само по себе словосочетание «нарушение норм уголовного права» (что, как известно, является преступлением) – пример очередного небрежного обращения с терминологией в тексте закона. Но и содержание этой нормы не менее проблематично. Исследуя кассационно-надзорную форму, И. С. Дикарев предполагает, что основаниями отмены судебных решений является также и неправильное применение гражданского права, и приводит примеры из практики, связанные с решением судьбы гражданского иска [8, с. 50–52].

Мы предполагаем, что неправильное применение норм любых материальных отраслей может приводить к принятию незаконных решений и, как

следствие, должно являться основанием для их отмены. Помимо гражданского иска, гражданское, а также налоговое, избирательное, бюджетное и др. отрасли права применяются в уголовном деле для квалификации деяний, составы которых сформулированы в УК с помощью бланкетных диспозиций.

Однако, несмотря на обилие подобных преступлений (65 % в первоначальном тексте УК РФ 1996 года [9]), уголовно-процессуальная наука все-таки не озабочена нарушением норм материального неуголовного права по уголовным делам. На примере дел о налоговых преступлениях продемонстрируем одну из причин этого «равнодушия».

Налоговые преступления отличаются от налоговых правонарушений двумя главными признаками: размером ущерба и формой вины. Так, если говорить об уклонении от уплаты налогов с организаций (ст. 199 УК), то минимальный криминалообразующий размер ущерба составляет 15 млн руб., следовательно, все «уклонения» меньше этой величины могут быть правонарушениями; форма вины у преступлений умышленная, у правонарушений – и умышленная, и неосторожная. Различия эти оставляют налоговые преступления и правонарушения очень близкими друг другу, зачастую нуждающимися в разграничении.

Но при этом есть принципиально разные подходы к доказыванию события неправомерного деяния, подпадающего под юрисдикцию органов уголовного преследования (и затем суда общей юрисдикции) и налоговых органов (и арбитражного суда – при обжаловании их решений).

По данным лично изученной нами судебной и следственной практики по уголовным делам, судебно-экономическая экспертиза для определения величины ущерба от уклонения от уплаты налогов назначается в 100 % случаев. Перед экспертом ставятся вопросы о размере налога, сумма которого была занижена налогоплательщиком, о соотношении неуплаченных и уплаченных налогов (до сих пор абсолютное большинство расследуемых преступлений совершены до вступления в силу последних изменений в УК, отменивших криминалообразующую долю неуплаченных налогов) и пр.

Ни налоговые органы, ни арбитражные суды подобных экспертиз не назначают. И если в отношении налоговых инспекций еще можно предположить, что там налоговыми проверками занимаются экономисты, то в отношении арбитражных судей всем прекрасно известно, что они ровно такие же юристы, как следователи, прокуроры и судьи судов общей юрисдикции. И они исчисляют суммы налогов самостоятельно, без каких-либо ревизий, документальных проверок, экспертиз или любых других способов поручить что-то каким-то специалистам, чтобы не делать самому.

Эта ситуация приводит нас к длительно ведущейся дискуссии о праве на существование «правовых» экспертиз и об относимости тех экспертиз, что именуются судебно-бухгалтерскими (но скорее являются «судебно-налоговыми»)

к правовым. Оставим в стороне этот спор и лишь констатируем то, что имеет значение для оснований пересмотра в уголовном процессе. Поскольку по налоговым преступлениям суд «перепоручает» применение налогового права (а исчисление налогов – это и есть применение налогового права, а вовсе не бухгалтерские операции) эксперту, он и не оценивает правильность этого применения подобно специальному знанию.

Следующий параметр сравнения связан с основаниями отмены решений в надзорном производстве. В результате долгих реформ апелляции и кассации в судах общей юрисдикции появилась двухступенчатая система кассационного пересмотра, которая к тому же была распространена на арбитражные суды. Называние законодателем разных правовых явлений одним термином положительно оценить мы не можем, но в то же время осознаем необходимость создания реальной перспективы «выхода» каждого судебного дела за пределы региона действия судов, рассматривающих дела в порядке «сплошной» кассации. Понятно, что коллегии из трех судей Верховного Суда РФ могут пересмотреть больше дел, чем громоздкий Президиум. Фактически «надзор» сместился из Президиума в Судебные коллегии ВС РФ.

Надзор в составе Президиума в перспективе будет лишь для редчайших случаев несогласия внутри самого Верховного Суда РФ. Высказываются предложения юридически «отдать» надзор коллегиям, а Президиум сделать согласительным органом [10]. Нас же интересует то, как соотносятся основания пересмотра дела в настоящем и юридическом надзоре в разных отраслях процессуального права в результате всех этих преобразований.

Помимо специфического «невыполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве», пересмотр в порядке надзора по уголовным делам возможен лишь в случае существенного нарушения закона. Основания пересмотра в кассационном и надзорном порядке в уголовном процессе совпадают (ст. 401.15 и 412.9).

АПК, ГПК и КАС предусматривают специфические для надзора основания отмены или изменения судебных актов: нарушение конституционных прав граждан, нарушение прав неопределенного круга лиц и нарушение единообразия в толковании и применении норм права. Все три основания так или иначе подпадают под существенное нарушение закона, однако арбитражный, гражданский и административный процессы не дублируют формулировки, использованные в нормах об основаниях отмены в кассации, как почему-то делает УПК. Даже на первый взгляд одни и те же основания пересмотра в разных инстанциях кажутся странными, как будто подразумевается, что все они делают одно и то же, но дела с существенными нарушениями закона все же как-то добираются до высшего судебного органа.

Думается, что надзорное производство должно иметь как минимум единые основания отмены

решений для всех судебных отраслей, поскольку после упразднения ВАС РФ пересмотр осуществляется одним и тем же коллегиальным органом – Президиумом ВС РФ – абсолютно по всем делам. Представляется, что одни и те же люди руководствуются одним и тем же, выбирая, какие дела нужно передать в Президиум. Эта работа, как нам кажется, в большей степени делается не ради того конкретного дела, которое попадает на рассмотрение высшего судебного органа страны, а ради множества других дел, которые будут разрешены в будущем правильно благодаря тому, что суд высказал свою позицию. В каком-то смысле Верховный Суд РФ, занимаясь надзорным производством, возвышается и даже абстрагируется от процесса в смысле движения конкретного дела и решает большую, политическую, задачу. Множество дел в нижестоящих судах будут разрешены без лишних обжалований тогда, когда по похожему делу сообщит свое мнение Президиум – это незаметное, но очень важное влияние практики Верховного Суда РФ. Именно поэтому мы полагаем, что в УПК стоит признать: основанием для надзорного пересмотра является нарушение единообразия толкования и применения норм права, как это закреплено в остальных процессуальных законах.

Порядок рассмотрения

Статьей 389.6 УПК установлено, что обязательно участие в судебном заседании при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции осужденного, ходатайствующего о своем участии. Надеемся, что предписание это сформулировано во благо осужденного, с тем чтобы к нему применялись повышенные гарантии обеспечения участия в деле, чтобы суд не ограничивался формальным «извещен, не явился».

Однако из текста нормы следуют два неприятных, но трудно опровержимых вывода. Во-первых, чтобы участвовать в этом заседании, осужденный должен об этом ходатайствовать. Во-вторых, суд не может отклонить такое ходатайство. Ни один процессуальный кодекс не предусматривает для стороны по делу заявительного характера участия в судебном разбирательстве. Странно в правовом государстве даже пытаться формулировать идею о том, что для того, чтобы присутствовать в суде по собственному делу (в котором для осужденного решается его судьба, а не просто интерес), нужно обратиться с просьбой. Нормальным выглядит положение вещей, когда всех заинтересованных в деле суд извещает о времени и месте разбирательства, а они сами решают, присутствовать им или нет. Нормально также, если суд обяжет кого-либо явиться независимо от его собственного мнения на этот счет. Допустимо, что суд по своему усмотрению в интересах процесса укажет на опосредованное видео-конференц-связью участие в заседании кого-либо. Какими бы ни были мотивы установления подобного порядка участия в деле осужденного, он унизителен как для него самого, так и для

состязательности и равноправия сторон в суде. Очень похоже, что такое отношение к осужденному как к объекту перешло в действующий УПК из УПК РСФСР, устанавливавший похожее положение осужденного в суде кассационной инстанции (ст. 335).

Вдвойне странно поручать суду разрешать ходатайство, не предоставляя ему выбора. Привычно «просительное» положение стороны защиты в уголовном процессе не позволило законодателю выразить свою мысль об обеспечении права осужденного на участие в заседании корректно, с установлением не заявительного, а уведомительного характера информирования суда о соответствующем намерении. В литературе нам встречались данные, что суды все-таки умудряются отклонять ходатайства осужденных об участии в заседании [11] – это логично, ведь когда в законе есть небрежности, кто-нибудь непременно совершит из-за них ошибку, какими бы очевидными они ни казались.

Подводя итоги сказанному, приведем данные, полученные нами при анкетировании 52 работников прокуратуры и адвокатуры о качестве правосудия в судах, рассматривающих уголовные, арбитражные, гражданские и административные дела. На вопрос об оценке качества правосудия в апелляционной инстанции как высокое его оценили: 75 % опрошенных – применительно к арбитражным делам и 35 % – применительно к уголовным делам. Аналогичные вопросы о сплошной кассации дали 70 и 42 % соответственно. Думается, эта разница подсказывает, что для оптимизации пересмотров в уголовном процессе стоит использовать положительный межотраслевой опыт.

Библиографический список

1. Матейчук В. И. Сравнительная характеристика правовой регламентации производства в суде второй инстанции в уголовном судопроизводстве и других видах судопроизводства // Российский судья. 2018. № 10. С. 30–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36290345>.
2. Андреева О. И., Рукавишникова А. А. Реформированное производство в суде кассационной инстанции: соотношение частного и публичного начал // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 3–7. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43130657>.
3. Трещева Е. А. Статус прокурора в арбитражном процессе нуждается в совершенствовании // Lex Russica. 2015. № 10. С. 57–63. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.057-063>.
4. Проблемы развития процессуального права России: монография / под ред. В.М. Жуйкова. Москва: Норма, Инфра-М, 2016. 224 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29283456>.
5. Гордейчик С. А. Злоупотребления стороны защиты при подаче дополнительной апелляционной жалобы // Адвокатская практика. 2019. № 5. С. 7–9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41035131>.
6. Кудрявцева А. В., Дик Д. Г., Спиридонов М. С. Производство в суде кассационной инстанции: особенности нового правового регулирования //

Уголовное право. 2019. № 1. С. 83–88. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38577466>.

7. Жуйков В. М., Долова М. О. Актуальные проблемы унификации процессуального законодательства // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 121–135. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.11>.

8. Дикарев И. С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016. 478 с.

9. Пшипий Р. М. Исторический анализ использования законодателем бланкетной формы диспозиции уголовно-правовой нормы // Российский следователь. 2012. № 23. С. 9–10. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/57598-istoricheskij-analiz-ispolzovaniya-zakonodatelem-blanketnoj-formy-dispozicii>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18352814>.

10. Филатова М. А. Совершенствование внутригосударственных средств правовой защиты в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian yearbook of the European convention on human rights) (вып. 1). 2015. № 1. С. 322–347.

11. Шарапова Д. В. Участие осужденного в суде апелляционной инстанции // Российский судья. 2016. № 4. С. 33–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25907181>.

References

1. Mateychuk V. I. *Sravnitel'naia kharakteristika pravovoi reglamentatsii proizvodstva v sude vtoroi instantsii v ugovnom sudoproizvodstve i drugikh vidakh sudoproizvodstv* [Comparative characteristics of the legal regulation of proceedings in a second instance court within criminal proceedings and other types of proceedings]. *Rossiiskii sud'ia* [Russian Judge], 2018, no. 10, pp. 30–34. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36290345> [in Russian].
2. Andreeva O. I., Rukavishnikova A. A. *Reformirovannoe proizvodstvo v sude kassatsionnoi instantsii: sootnoshenie chastnogo i publichnogo nachal* [Reformed proceeding in cassation court: correlation of private and public basis]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2020, no. 3, pp. 3–7. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43130657> [in Russian].
3. Treshcheva E. A. *Status prokurora v arbitrazhnom protsesse nuzhdaetsia v sovershenstvovanii* [Prosecutor's status in the arbitration procedure needs improving]. *Lex Russica*, 2015, no. 10, pp. 57–63. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.057-063> [in Russian].
4. *Problemy razvitiia protsessual'nogo prava Rossii: monografiia. Pod red. V. M. Zhuikova* [Zhuikov V. M. (Ed.) Problems of the development of Russian procedural law: monograph]. Moscow: Norma, Infra-M, 2016, 224 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29283456>.
5. Gordeychik S. A. *Zloupotrebleniia storony zashchity pri podache dopolnitel'noi apelliatsionnoi zhaloby* [The abusive practice of the defense at filing of an additional appeal]. *Advokatskaia praktika* [Advocate's Practice], 2019, no. 5, pp. 7–9. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41035131>.

6. Kudryavtseva A. V., Dik D. G., Spiridonov M. S. *Proizvodstvo v sude kassatsionnoi instantsii: osobennosti novogo pravovogo regulirovaniia* [Court of cassation proceedings: peculiarities of new legal regulation]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2019, no. 1, pp. 83–88. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38577466> [in Russian].
7. Zhuykov V. M., Dolova M. O. *Aktual'nye problemy unifikatsii protsessual'nogo zakonodatel'stva* [Current Problems of Unification of Procedural Legislation]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 8, pp. 121–135. DOI: 10.12737/jrl.2019.8.11 [in Russian].
8. Dikarev I. S. *Nadzorno-kassatsionnaia forma peresmotra sudebnykh reshenii v ugolovnom protsesse: teoreticheskie osnovy i puti sovershenstvovaniia: dis. ... d-ra iurid. nauk* [Supervisory-cassation form of the revision of court decisions in criminal proceedings: theoretical foundations and ways of improvement: Doctoral of Law's thesis]. Volgograd, 2016, 478 p. [in Russian].
9. Pshipiy R. M. *Istoricheskii analiz ispol'zovaniia zakonodatelem blanketnoi formy dispozitsii ugolovno-pravovoi normy* [Historical analysis of use by the legislator blanketna of the form of the disposition of the criminal rule of law]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2012, no. 23, pp. 9–10. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/57598-istoricheskij-analiz-ispolzovaniya-zakonodatelem-blanketnoj-formy-dispozicii>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18352814> [in Russian].
10. Filatova M. A. *Sovershenstvovanie vnutri-gosudarstvennykh sredstv pravovoi zashchity v Rossiiskoi Federatsii: problemy i perspektivy* [Improving domestic remedies in the Russian Federation: problems and prospects]. In: *Rossiiskii ezhegodnik Evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka* [Russian yearbook of the European convention on human rights] (issue 1), 2015, no. 1, pp. 322–347 [in Russian].
11. Sharapova D. V. *Uchastie osuzhdennogo v sude apelliatsionnoi instantsii* [Participation of the convicted person in the appeal instance court]. *Rossiiskii sud'ia* [Russian Judge], 2016, no. 4, pp. 33–37. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25907181> [in Russian].